

Глава 3: Белая свинья обретает зрение

Некоторое время я сидел, обхватив голову — тяжёлую глыбу жира — и уперев локти в роскошный письменный стол, сиявший тёплым янтарным светом.

Как бы то ни было, эту проблему отложим на потом!

Расторгнуть помолвку, вероятно, стало бы наилучшим решением для будущего той девушки — перепуганной, точно дрожащий оленёнок, — но я совершенно не уверен, что моё понимание «помолвки» совпадает со здешними порядками.

«Ах да... Помолвка — это ведь ещё и вопрос отношений между семьями».

Плечи парня-бабника чуть заметно дрогнули.

«Одностороннее решение с нашей стороны здесь затруднительно. Ты ведь понимаешь, о чём я?»

Нет, я сам-то, произнёсший это, смысла не понимаю, — но сейчас я с самым важным видом свирепо сверлил бабника взглядом.

«Э-это... вы желаете, чтобы и отец Литлтона тоже присутствовал?»

Литлтон? Это кто?

В моей голове знаки вопроса столпились гигантской пробкой, не давая родиться ни одной новой мысли, но я и виду не подал — лишь тяжеловесно кивнул.

«Я... я понял. Я немедленно приведу отца, и мы снова нанесём вам визит. О дате я сообщу письмом».

Понурился, бабник с трагической миной погладил открытые плечи девицы с фальшивой грудью по имени Моника и покинул комнату.

О! Неужели моя вынужденная уловка сработала?

«Пока что этот разговор откладывается».

«Ну па-апа! А как же наша с Гидеоном истинная любовь?»

Закрыв лицо руками, фальшивогрудая девица разрыдалась... только вот уровень её притворного плача оказался до смешного низким.

Меня, которого вдоволь третировала младшая сестра-чертовка под девизом «Женские слёзы — оружие!», таким не проймёшь.

«Я не говорю, что помолвку не расторгнем. Просто нужно соблюсти формальности».

Да, если эта милая красавица выйдет замуж за того дурака, она станет несчастной.

Я честно отдам бабника девице с фальшивой грудью — дурак дураку пара, — но сам-то я не владею никакой полезной информацией о происходящем, а потому принимать хоть какое-то решение не хочу категорически.

И вот, не разгадав моего истинного намерения, фальшивогрудая девица сделала поспешный вывод: «Значит, помолвка возможна!»

— и вместе с вульгарной мамашей, схватившись за руки, принялась скакать от радости.

Пожалуй... мне уже хочется спокойно поразмыслить в одиночестве...

Я мельком глянул на мерзкого дворецкого и решил выставить всех вон.

«Я хочу немного подумать один. Все покиньте комнату. И впредь без вызова сюда не приближайтесь».

Я немного встревожился, не слишком ли грубо это прозвучало... но вульгарная мамаша и фальшивогрудая девица исчезли с готовностью.

Судя по всему, им не терпелось насладиться чаем и сладостями.

Вслед за ними удалились и девицы в платьях горничных, смахивающих на наряды из мужского клуба.

«Господин. Как насчёт ужина?»

«...Я поем здесь. Принеси что-нибудь на свой вкус. Всё, больше ничего не нужно. Сегодня идите отдыхать пораньше».

«Да. Будет исполнено».

Стоило мне сказать, что сегодня можно уйти пораньше, как этот тип заметно повеселел... ну да ладно.

Хотя бы за то, что перед уходом споро заварил мне чай, — можно его и похвалить.

...Правда, цвет заварки получился чудовищно тёмным...

А теперь — оставшаяся дочь... так ведь?

Она растерянно мялась, теребя рукав блузки.

«...Ты тоже ступай к себе».

Прости... я... не знаю твоего имени.

Она коротко поклонилась и, понурившись, вышла из комнаты.

Наконец оставшись один, я глубоко выдохнул и тихо, но яростно выкрикнул:

«Да что, чёрт возьми, происходит?!»

Так, — после того как я дал волю бегству от реальности, давай хладнокровно оценим положение.

Во-первых, я либо мёртв, либо валяюсь без сознания где-нибудь в реанимации.

Если рухнуть с внешней лестницы четырнадцатого этажа, то обычно умираешь, верно?

Во-вторых: где я?

Скорее всего, это не Япония.

У всех, кого я встретил, слишком уж яркие цвета волос и глаз.

В последнее время Япония тоже изрядно глобализировалась, но чёрные волосы и чёрные глаза по-прежнему преобладают, а крашенные волосы или цветные линзы легко распознать, если приглядеться.

У этих типов цвет был натуральным.

Ещё вопрос: кто я?

Судя по всему, я больше не я.

Потому что я жирный.

Единственная видимая часть кожи — кисти рук — отливали такой белизной, что мои сёстры удавились бы от зависти.

Белокожий жирдяй... Белая свинья, что ли?

Наверное, и цвет волос с глазами теперь не привычный чёрный...

То, что все находившиеся в комнате обращались ко мне подчёркнуто вежливо, означает, что я обладаю какой-то властью?

Хм-м... Совершенно не припомню за собой такого.

И ещё... вот это — самое непонятное из случившихся со мной перемен.

Я... вижу на спинах людей особый цвет.

Так называемая... «ци», не так ли?

У вульгарной мамашы — сплошь чёрный цвет с кричащей золотой каймой, и тут и там разбросаны пятна ядовито-алого.

У фальшивогрудой девицы примерно такой же, только красный сменился ярко-розовым — словно неоновая вывеска.

У парня-бабника спина не чёрная, а тёмно-серая, с ослепительно-золотыми горошинами узора.

У обеих девиц — не разберёшь, то ли из мужского клуба, то ли из мейд-кафе — чёрный цвет, усыпанный золотом и серебром, а у ног колыхается, подобно пламени, красно-чёрное марево.

Мужчина-дворецкий, мерзкий и злобный, — в общем, абсолютно чёрный.

Но чернота эта была глубокой.

Словно бездна тьмы, в самой сердцевине которой поблёскивало отвратительное золото.

Мне стало дурно от одного взгляда.

Уже по этому было ясно: все они — дурные люди.

Хотя у меня никогда даже намёка не было на духовное зрение.

Ах да, ещё одна дочь — та самая девочка-красавица — обладала тёплым оранжевым цветом, а кайму украшало золото, подобное мерцанию звёзд.

Но меня слегка тревожило, что то и дело в нём проскальзывала маленькая дымка светло-серого.

«Ха-а... Это что-то вроде истинной сущности человека? Можно ли этому доверять?»

Так, м-да, — бормотал я, закрыв глаза и скрестив руки на груди, — и тут до моих ушей донёсся стук в дверь.

«Кто там?»

«Господин. Я принёс ваш ужин».

В такой чрезвычайной ситуации есть не хотелось совершенно, но если при таком огромном теле заявить, что аппетита нет, — это могло бы вызвать подозрения. Поэтому я разрешил войти, бросив: «Входи».

«Прошу прощения».

В комнату вошёл худощавый мужчина средних лет в скромной рубашке и чёрных брюках — он толкал перед собой сервировочную тележку.

«!..»

«Могу ли я расставить всё здесь?.. Господин?»

«Ты... Как твоё имя?»

«А?»

Ах, чёрт.

Разве не подозрительно, когда я спрашиваю имя собственного слуги?

<http://bllate.org/book/17979/1727971>